

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

© 1996 г., ЭО, № 3

Ю. И. Семенов

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗМЫ, ЭТНОСЫ, НАЦИИ

Несколько вводных слов

В статье «Общество, страны, народы», опубликованной в № 2 «Этнографического обозрения», было показано, что отдельные конкретные общества — социально-исторические организмы — являются основными единицами исторического развития. Понятие «социально-исторический организм» — важнейшая категория исторической науки. Оно и только оно дает, в частности, ключ к пониманию такого сложного общественного явления, как нация.

Проблема соотношения этноса и нации

Нередко между понятием «нация» и понятиями «народ» и «этнос» ставят знак равенства. В самом деле, французы — народ (этнос), они же являются и нацией. Отсюда, естественно, напрашивается вывод: этническая общность (народ) и нация — суть одно и то же. В нашей литературе к этому обычно добавляли, что нация есть не просто этнос, а высшая его форма, пришедшая на смену народности. В действительности же этнос и нация — явления, относящиеся к разным социальным сферам.

Сущность этнической общности наиболее ярко проявляется в этнических процессах: этнической ассимиляции (этнического втягивания), этнического слияния (консолидации), этнического включения (инкорпорации) и этнического расщепления (дивергенции). Они происходят стихийно и во многом независимо от сознания и воли людей.

Сущность же нации наиболее отчетливо выражается в национальных движениях, которые представляют собой деятельность масс людей, направленную к достижению определенных целей, причем чаще всего политических. Каждое такое движение имеет определенную программу. Национальные движения, в отличие от этнических процессов, относятся к сфере политики. Они представляют собой один из видов политических движений. Нация в этих движениях выступает как определенная общественная, прежде всего политическая, сила, с которой нужно считаться.

Возникновение наций в Западной Европе

Этнические общности как более или менее самостоятельные образования начали возникать с переходом от первобытного общества к классовому. Формирование наций связано с возникновением вначале предпосылок капитализма, а затем и самого капитализма. Капитализм спонтанно зародился только в одной области земного шара — в Западной Европе. Именно она и дает нам классические примеры зарождения и развития наций.

В эпоху, предшествующую тем сдвигам, которые привели к капитализму, на каждой из территорий, где в дальнейшем сложились капиталистические гео-

социальные организмы, основная масса населения принадлежала к одной этнической общности или нескольким родственным этническим общностям. Последние в нашей исторической и этнологической литературе чаще всего именуются народностями. В свою очередь, этносы делились на субэтносы, а те нередко на субсубэтносы или этнографические группы. Подобного рода этническая картина имела свои корни в структуре общества, для которого была характерна хозяйственная и политическая раздробленность, обычно именуемая феодальной.

Перелом в развитии феодального общества произошел с появлением городов как центров промышленности и торговли. Развитие товарно-денежных отношений постепенно вело к консолидации ранее обособленных областей в единое хозяйственное целое, что необходимо предполагало политическую централизацию. Единый в экономическом отношении социально-исторический организм формировался одновременно и как единое централизованное государство. Зарождение капиталистических связей, превращение охватывающего всю страну рынка в капиталистический обусловило дальнейшее возрастание экономического и политического единства социально-исторического организма.

Вместе с появлением такого единого в экономическом отношении социально-исторического организма возникли и его объективные интересы, которые не могли не быть интересами основной массы людей, входивших в его состав. В результате этот единый социально-исторический организм (одновременно он представлял собой и централизованное государство) выступал как общее отечество для его членов. А сами члены этого организма стали той общественной силой, которая отстаивала интересы своего отечества, т. е. нацией. Нация есть совокупность людей, имеющих одно общее отечество.

Нация и социально-исторический организм

Отечеством в том смысле, который это слово приобрело с переходом от средних веков к новому времени (речь, разумеется, идет об идеальном случае, норме, а не о всегда возможных и даже неизбежных отклонениях от нее), является более или менее крупный социоисторический организм. В его фундаменте лежали первоначально просто рыночные, а затем рыночно-капиталистические связи. В идеальном случае принадлежность к нации совпадает с принадлежностью к такому социально-историческому организму.

Именно это и дало повод к отождествлению нации с социально-историческим организмом. Последнее выразилось в приписывании нации таких признаков (общность территорий, общность экономической жизни), которые в действительности характеризуют капиталистический *геосоциальный организм*.

Отождествлению нации и геосоциального организма способствовало то обстоятельство, что при возникновении капиталистического *геосоциора* возникла потребность в обозначении его объективных интересов. Проще всего, конечно, было бы назвать данные интересы государственными, однако этому препятствовала двусмысленность термина «государство». Под интересами государства можно понимать не только интересы социально-исторического организма, но и интересы государственного аппарата, прежде всего правящей верхушки. В этом отношении термин «национальные интересы» был более предпочтительным. Интересы нации полностью совпадали с интересами социально-исторического организма.

Слово «нация», начиная с XVIII в., широко использовалось в литературе для обозначения социально-исторического организма. Название вышедшего в 1776 г. основного труда великого экономиста А. Смита обычно переводится на русский язык как «Исследование о причинах и природе богатства народов», что совершенно неверно, ибо в оригинале используется не слово «народы», а слово «нации». А под нациями А. Смит понимал вовсе не нации, а социально-исторические организмы, основанные на рыночных связях.

Вместе с тем еще до А. Смита слово «нация» использовали для обозначения социально-исторических организмов, причем любых типов, такие выдающиеся

мыслители, как Дж. Вико и А. Фергюсон: первый — в труде «Основания новой науки об общей природе наций» (1725), второй — в работе «Очерк истории гражданского общества» (1767). Эта традиция сохранилась до сих пор. Достаточно вспомнить такие названия, как «Лига наций» и «Организация Объединенных Наций».

Таким образом, слово «нация» многозначно. Национальностью называют не только собственно нацию, но и социально-исторический организм. Кроме того, это слово в англоязычной литературе нередко употребляется в тех же смыслах, что и слово «народ», исключая лишь один. В отличие от слова «народ», слово «нация» никогда не используется для обозначения социальных низов.

Хотя нация и геосоциальный организм тесно связаны между собой, они не совпадают друг с другом даже в том идеальном случае, когда все люди, входящие в геосоциор, образуют одну нацию, как никогда не совпадают и не могут совпасть страна и ее население. Капиталистический геосоциальный организм есть фундамент, на котором возникает и существует нация, но не сама нация. Нет, например, французской нации без французского социально-исторического организма, т. е. без самой Франции. Однако понятия «Франция» и «французская нация» далеко не совпадают.

Нация как политическая сила

Возникновение нации нельзя рассматривать как естественное следствие формирования единого геосоциального организма. Для ее образования необходимо, чтобы люди не просто входили в состав одного единого социально-исторического организма, не просто составляли его население, но признавали бы его своим отечеством, а себя рассматривали как соотечественников. Для этого же необходимо, чтобы основная масса его населения осознала его объективные интересы, причем осознала бы их как собственные интересы.

Такое осознание могло родиться лишь в ходе борьбы за удовлетворение насущных потребностей развития и функционирования этого социально-исторического организма. Только в процессе такой борьбы могла вырваться идея национального единства, без которой нация не смогла бы оформиться. Начавшееся еще в ходе борьбы за создание единого централизованного государства формирование нации могло окончательно завершиться лишь с утверждением капиталистических отношений. На определенном этапе развития единого геосоциального организма возникла потребность в его полном преобразовании — из феодального в капиталистический. Но были общественные силы, которые стояли на страже отживающего общественного порядка.

Поэтому необходимостью стало, чтобы все слои населения, интересы которых совпадали с интересами развития общества, осознали последние как собственные и поднялись во имя их на борьбу. В результате интересы геосоциального организма были осознаны как интересы отечества, а задача окончательной ликвидации феодальных порядков как такая, которую должна решить нация. Таким образом, общественная сила, выступавшая против феодализма, осознала себя как силу патриотическую, национальную, как нацию.

Антифеодальное политическое движение выступило как национальное, чему в ходе Великой Французской революции способствовали попытки иностранных держав путем интервенции восстановить старый строй. «Отечество в опасности!» — этот лозунг поднимал людей на борьбу. Понятия «революционер» и «патриот» в те времена совпадали. Но национальная идея доминировала в ходе Французской революции с самого начала. Достаточно вспомнить такие названия, как «Национальное собрание», «национальная гвардия».

В ходе буржуазной революции окончательно утвердилась идея отечества, оформилось национальное самосознание и тем самым завершился процесс формирования нации.

Нация и этнос

Консолидация ранее экономически обособленных областей в единую хозяйственную общность была результатом втягивания их в общий торговый оборот, возникновения единого рынка в масштабах страны. Важнейшим средством общения является язык. Поэтому экономические связи легче всего завязывались между областями, население которых говорило на одном языке или на близкородственных языках, т. е. принадлежало к одной этнической общности или же к родственным этносам. В свою очередь установление прочных экономических связей между областями способствовало слиянию родственных этнических общностей в одну, а также стиранию граней между субэтносами и этнографическими группами, на которые они ранее распались.

В идеале все население такого единого геосоциального организма должно было образовать одну этническую общность. Оно же в идеале должно было составлять и одну нацию. В подобном случае этническое самосознание могло слиться с национальным, культура этнической общности выступить как национальная культура, а язык этноса как национальный язык. Именно это и дало основание для того, чтобы приписать нации такие признаки (общность языка, общность культуры), которые в действительности характеризуют этнос.

В знаменитом четырехэлементном определении нации (оно и сейчас полностью не утратило своего влияния на умы людей, занимающихся национальными проблемами) из четырех приписываемых нации признаков два относятся к этносу, два — к геосоциальному организму. И нет ни одного признака, который относился бы к собственно нации. Иначе говоря, ни сам И. В. Сталин, ни его последователи, а таковыми были чуть ли не все советские ученые, которые писали по этому вопросу, ничего не понимали в природе нации.

Но и при самом тесном сближении нации и этноса полного тождества между ними не возникает. Даже в самом крайнем случае национальная общность, включая в себя в качестве компонента этническую общность, никогда к ней не сводится. Наиболее наглядно отличие национальной общности от этнической проявляется тогда, когда в состав нации входят люди, принадлежащие к разным этническим общностям.

Полиэтнические нации

Рассматривая процесс формирования нации, я исходил из допущения большей или меньшей этнической однородности состава населения единого геосоциального организма, который одновременно являлся и единым государством. В действительности же границы централизованного государства редко совпадали с этническими даже в Западной Европе.

Например, к 80-м годам XVIII в. ряд областей с населением, говорившим по-французски (Валлония, Французская Швейцария), остался вне границ Французского королевства. Зато в пределах Франции оказались районы, население которых и по языку, и по культуре значительно отличалось от французов (кельты Бретани, баски юга Франции, италиязычные жители Корсики, немцы Эльзаса и Лотарингии). Все эти группы до сих пор полностью не ассимилировались и не стали частями французской этнической общности. Это, однако, ничуть не помешало ни бретонцам, ни баскам, ни корсиканцам, ни эльзас-лотарингцам войти в состав французской нации. В огне битв великой революции Франция стала для них отечеством, а сами они из ее подданных превратились в ее патриотов.

Почему и как это произошло, прекрасно показал Ф. Энгельс на примере Эльзаса и Лотарингии, население которых до революции бесспорно принадлежало к немецкому этносу. «Но вот,— писал он,— разразилась французская революция. То, что Эльзас и Лотарингия не смели и надеяться получить от Германии, было им подарено Францией... Крепостной, обремененный барщиной крестьянин стал свободным человеком, во многих случаях свободным собственником своей усадьбы и

поля... Нигде во Франции народ не присоединился к революции с большим энтузиазмом, чем в провинциях с говорящим по-немецки населением.

Когда же Германская империя объявила войну революции, когда обнаружилось, что немцы не только продолжают покорно влачить собственные цепи, но дают еще себя использовать для того, чтобы снова навязать французам старое рабство, а эльзасским крестьянам — только что прогнанных господ феодалов, тогда было покончено с принадлежностью эльзасцев и лотарингцев к немецкой нации, тогда они научились ненавидеть и презирать немцев, тогда в Страсбурге была сочинена, положена на музыку и впервые пропета эльзасцами „Марсельеза“, и тогда немецкие французы, невзирая на язык и прошлое, на полях сотен сражений слились в единый народ с французами»¹.

Ныне собственно французов, бретонцев, корсиканцев, эльзас-лотарингцев объединяет принадлежность к одному геосоциальному организму, который все они в одинаковой степени считают своим отечеством. В результате французы, бретонцы, корсиканцы, эльзас-лотарингцы, независимо от сохраняющихся между ними этнических различий, составляют одну нацию — французскую и в этом смысле в одинаковой степени являются французами.

Еще более наглядно качественное отличие национальной общности от этнической являет Швейцария. Различные группы населения этой страны говорят на немецком, французском, итальянском и ретороманском языках. Но ни германо-швейцарцы, ни франко-швейцарцы, ни итало-швейцарцы, ни ретороманцы (романши и ладины), являющиеся этническими общностями, не представляют особых наций. Франко-швейцарцы, например, считают своим отечеством не область, населенную ими, а Швейцарию в целом. Это в равной степени относится и к представителям остальных групп. Всех швейцарцев объединяет принадлежность к одному геосоциальному организму, который все они считают своим отечеством. Поэтому швейцарцы образуют одну единую нацию — швейцарскую.

Таким образом, разнородность этнического состава населения единого социально-исторического организма, сама по себе взятая, не может привести к образованию в его пределах нескольких наций. Но она создает возможность такого развития. Чтобы эта возможность превратилась в реальность, нужно действие иных факторов, не этнических, а экономических и политических.

Нация и национальное движение

Важнейшим из указанных факторов является дискриминация по признаку этнической принадлежности: наличие определенных прав и привилегий у людей, входящих в одну этническую общность, и отсутствие таковых у членов другого или других этносов; обращение с представителями той или иной этнической общности как с существами низшими; преследование их языка и культуры, навязывание им языка и культуры господствующего этноса. К этому следует добавить отношение к области, компактно населенной тем или иным этносом как к колонии, т. е. выкачивание из нее средств, которые используются в интересах господствующей этнической общности, торможение ее промышленного развития и т. п. Все это вместе взятое принято именовать национальным или колониальным гнетом.

Национальный гнет с неизбежностью порождает у представителей дискриминируемой этнической общности общие интересы, отличные от интересов социоисторического организма, и вынуждает их объединяться для борьбы за свои права. В результате дискриминируемый этнос становится политической силой, преследующей собственные цели. Если его члены рассеяны среди людей, принадлежащих к другим этническим общностям, их цели обычно не идут дальше уравнивания в правах с теми, кто принадлежит к господствующему этносу.

Иначе обстоит дело тогда, когда дискриминируемая общность сравнительно велика и члены ее более или менее компактно населяют определенную территорию. Дискриминация, препятствующая представителям угнетенной

этнической общности признать весь геосоциальный организм, в котором они живут, своим отечеством, одновременно побуждает их осознать как свое отечество ту его область, которую они компактно населяют.

В результате дискриминируемый этнос становится особой нацией, противопоставляющей себя всему остальному населению геосоциального организма. Всех его членов теперь объединяет и одновременно отделяет от других людей, входящих в состав данного геосоциального организма, наличие собственного, особого отечества. Вполне понятно, что в таком случае как особая нация выступает и господствующий этнос, даже в том случае, если его члены считают своим отечеством страну в целом.

Когда члены дискриминируемого этноса осознают себя соотечественниками, их борьба против дискриминации приобретает характер борьбы за интересы своего отечества против его врагов и угнетателей. В этом случае они чаще всего начинают стремиться не к уравниванию в правах с членами господствующего этноса, а к освобождению своего отечества от чужеземного гнета, к созданию собственного независимого государства, а тем самым и самостоятельного геосоциального организма. Нация тогда возникает как политическая сила, которая стремится к созданию независимого государства. Формируясь, она проявляет себя в особом рода политическом движении: национальном или, точнее, национально-освободительном.

Если в случае с Францией и Швейцарией нация формировалась в основном по признаку принадлежности к населению единого геосоциального организма, то в последнем случае она складывается по признаку принадлежности к определенной этнической общности. Все представители данного этноса образуют нацию. Процесс превращения совокупности людей, которые являлись только этносом, в нацию можно было бы назвать *нациезацией* этноса.

Тенденцией такого рода национального движения является стремление к отделению и образованию самостоятельного национального государства. На это особое внимание обращал В. И. Ленин ². В реальности, однако, до отделения дело доходит не всегда. Участники движения могут ограничиться требованием предоставления области, которую они рассматривают как свое отечество, большей или меньшей автономии. И даже тогда, когда в программе движения стоит требование отделения, его участники, столкнувшись с мощным сопротивлением центральной власти, могут пойти на компромисс, согласившись с автономным статусом данного региона.

Выше был приведен классический образец формирования нации по признаку этнической принадлежности. Но жизнь, разумеется, сложнее. Не всегда причиной национального движения является национальный гнет. Иногда причина такого движения — корыстные интересы местной элиты, стремящейся освободиться от контроля сверху; местного чиновничества, жаждущего закрепить за собой должности; местных предпринимателей, желающих вытеснить опасных конкурентов; амбиции местной интеллигенции, желающей монополизировать сферу духовной жизни и «хлебные места» в системе образования, культуры и т. п. Все эти группы апеллируют к родным массам и стремятся выдать себя за истинных защитников их интересов. В свое время все это было хорошо показано К. Каутским ³.

Формирование наций в Америке

Все сказанное о борьбе с реальной, а не мнимой дискриминацией дает ключ к пониманию процессов формирования наций и за пределами Европы. Переселение европейцев, прежде всего англичан, на территорию нынешних США, привело к образованию там системы геосоциальных организмов, которые имели свои интересы, отличные от интересов Великобритании. Нежелание господствующих слоев метрополии считаться с жизненными нуждами этих колониальных социально-исторических организмов привело в конце концов к их объединению и образованию новой патриотической силы — американской нации, которая в упорной борьбе добилась независимости своего отечества. Сходными были процессы становления наций в Латинской Америке.

Становление наций в Африке южнее Сахары

Своеобразно шло складывание наций в Африке южнее Сахары. Народы этого региона к моменту европейского завоевания в большинстве своем находились на стадии перехода от первобытного общества к классовому. Ни о каких нациях там не могло быть и речи. Границы отдельных колониальных владений были проведены новыми хозяевами совершенно произвольно и, как правило, не совпадали с границами между «народами». Однако будучи установленными, они со временем приобрели огромное значение.

По мере того как капитализм «пересаживался» в колонии, развитие каждого отдельного владения шло по пути превращения его в особый геосоциальный организм, подчиненный метрополии и эксплуатируемый ею. В пределах каждого из этих социальных формирований стала складываться особая политическая сила, которая считала его своим отечеством и стремилась к его освобождению от колониального гнета.

Становление этой общности происходило по признаку принадлежности не к тому или иному «народу», а ко всему коренному населению данной колонии. В результате возникли нации, каждая из которых состояла из людей, относившихся к большому числу «народов» и подразделений «народов». Таковы нигерийская, ганская, гвинейская и другие африканские нации. Все они добились независимости.

Теперь будущее указанных наций зависит от того, насколько прочно будет обеспечено равноправие проживающих на их территории «народов» и формирующихся этносов. Если в государствах Африки возникнет и получит развитие практика дискриминации по признаку принадлежности к той или иной группе населения, то неизбежной станет тенденция к формированию в их границах нескольких наций, а тем самым к их разделению на несколько самостоятельных *социоров*. Достаточно вспомнить движение ибо в Нигерии, которое привело к образованию республики Биафры и продолжавшейся два с половиной года (1967—1970) войне, которая завершилась гибелью этого государственного образования.

Для государств Тропической Африки, пожалуй, еще большей опасностью, чем подобный национализм, является другая опасность. Это формирование политических сил на базе существующих в них многочисленных демосоциальных структур — полностью или частично сохранившихся демосоциальных организмов и их систем. Это явление получило в литературе название *трибализм*, или *трайбализм*. Трибализм имеет место и в целом ряде независимых азиатских государств, возникших на развалинах СССР.

Две современные концепции нации

В настоящее время в нашей науке соперничают две концепции нации, одну из которых условно можно было назвать этнической, а другую — государственной, или гражданской. Согласно первой, нация — это этнос. Согласно второй, нация — это совокупность всех граждан государства, все его население. Как видно из сказанного выше, в каждой из них есть доля истины, но только доля.

Обе они упускают из виду то главное, что делает ту или иную совокупность индивидов нацией, — наличие у составляющих ее людей одного общего отечества. Сторонники первой точки зрения не могут понять, что люди, составляющие тот или иной этнос, могут образовывать нацию, а могут и не образовывать ее. А сторонники второй концепции не принимают во внимание, что понятия «государство», «страна» могут совпадать с понятием «отечество», а могут и не совпадать. Они не хотят считаться с тем фактом, что для людей, живущих в том или ином государстве, оно может быть их отечеством, а может и не быть им.

Когда этнос совпадает с населением государства, являющегося одновременно социором (речь, разумеется, идет о современных государствах и социорах), эта совокупность людей почти обязательно является и нацией. Когда такого совпадения нет, все обстоит гораздо сложнее.

Население страны, принадлежащее к нескольким этносам, может быть единой

нацией, а может и не быть ею. Все зависит от того, считают ли все граждане государства его своим единым отечеством или не считают. Если считают, то все они образуют одну нацию, если же члены каждого из этносов относятся как к своему отечеству только к той части территории страны, которую населяют, то в стране существует столько наций, сколько в ней этносов.

Нация: объективно существующее явление или только конструкция сознания?

Могут сказать, что при таком понимании нация выступает как явление чисто субъективное: все зависит от взглядов и воззрений людей. В связи с этим нельзя не заметить, что некоторые исследователи, абсолютизируя данные моменты, приходят к выводу, что нации, как и этноса, вообще в социальной реальности не существует. Эти явления существуют лишь в сознании людей.

Все дело в том, что такого рода взгляды, воззрения и представления формируются под влиянием определенных объективных факторов, которые были рассмотрены выше. Следует также учитывать, что сознание национальной принадлежности не является чисто умственным продуктом. Оно всегда включает в себя чувство национальной принадлежности и чувство патриотизма. А последнее является одним из самых сильных общественных чувств.

Конечно, формирование сознания и чувства национальной принадлежности происходит под влиянием национальной идеологии, а тем самым и людей, создающих такую идеологию. Поэтому некоторые исследователи приходят к выводу, что нация, как и этнос, есть свободное творение группы интеллигентов, по той или иной причине заинтересованных в создании такой общности. Вряд ли можно и нужно преуменьшать роль интеллигенции в формировании национального сознания и чувств, а тем самым и нации. И тем не менее ни нация, ни этнос не могут быть созданы по произволу интеллектуальной или политической элиты.

Как, например, ни пытались интеллектуалы и политики Народного фронта Молдавии убедить молдаван, что они на самом деле вовсе не молдаване, а румыны, что их отечеством является не Молдавия, а великая Румыния, включающая в себя в качестве своей неотъемлемой части нынешнюю Молдавию, что самой важной задачей является немедленное вхождение Молдавии в состав Румынии, у них ничего не получилось.

Подавляющее большинство молдаван упорно продолжают считать себя не румынами, а молдаванами, и своим отечеством — только Молдавию. Кстати сказать, и тогда, когда Бессарабия входила в состав Румынского государства (1918—1940), а молдаване были официально объявлены румынами, они, несмотря на политику насильственной румынизации, а может быть именно в силу проведения такой политики, в массе своей так и не изменили своего этнического и национального самосознания.

В годы франкистского режима все население Испании было объявлено единой испанской нацией. Однако несмотря на все принятые властями меры, таковой оно не стало. Сейчас все население Турции провозглашается властями единой турецкой нацией. Государство пытается силой искоренить все этнические различия. Но именно это является одной из причин все более расширяющейся борьбы курдов Турции за создание своего независимого государства.

Субнации и супернации. Мононацизация и полинацизация

Бесспорно, что возможно наличие у людей двойного этнического самосознания: сознание принадлежности к субэтносу и этносу. Возможно и двойное национальное самосознание. Человек может одновременно считать своим отечеством и весь геосоциальный организм, и ту часть территории, которую компактно населяет его этнос.

В таком случае мы сталкиваемся с нацией, состоящей из нескольких наций.

Можно называть первую просто нацией, а последние — субнациями. Можно называть нациями последние, а первую — супернацией. Можно, наконец, говорить об субнациях и супернации. Это, в конце концов, вопрос терминологии. В Великобритании, по крайней мере, две из трех этнических общностей, а именно англичане и шотландцы являются одновременно и нациями. Эти две нации вместе с валлийцами образуют британскую нацию.

В моей статье, опубликованной в № 2 «Этнографического обозрения», уже говорилось, что слово «народ» нередко используется для обозначения всего населения того или иного геосоциора, невзирая на этническую принадлежность составляющих его людей. При таком употреблении в одних случаях под народом понимается нация, в других — супернация, в третьих — такая совокупность людей, которая не представляет собой ни нацию, ни супернацию, хотя и способна в дальнейшем развитии стать последней.

В зависимости от условий развитие в полиэтничной стране может идти в двух противоположных направлениях. Одно из них: группы людей, которые были только этносами, становятся и нациями. Идет процесс нациезации этносов, а тем самым и *полинациезации* страны. Такое развитие наблюдается в Бельгии. Раньше там существовала лишь одна нация — бельгийская. Валлоны и фламандцы были лишь этносами. Сейчас они стали и нациями (субнациями), а бельгийская нация тем самым превратилась в супернацию. Следующий шаг в этом направлении может заключаться только в превращении этих субнаций в полностью самостоятельные нации и исчезновении объединяющей их супернации. Будет ли он сделан, покажет будущее.

Движение в другом направлении: население страны, состоящее из нескольких этносов, которые являются одновременно нациями, становится супернацией, а бывшие нации превращаются в субнации. Следующий шаг: группы людей, бывшие одновременно и этносами, и субнациями, становятся только этносами, а бывшая супернация — единственной существующей в стране нацией. Здесь мы наблюдаем процесс *денациезации* этносов и тем самым *мононациезации* страны.

В полиэтничном государстве движение в сторону мононациезации может смениться движением в сторону полинациезации и наоборот. А иногда эти движения протекают одновременно: одни группы внутри страны развиваются в одном направлении, скажем, денациезируются, а другие, наоборот, нациезируются.

Очень своеобразным было развитие этих процессов в СССР. С одной стороны, в нем долгое время в целом шел процесс мононациезации. Возникла супернация, в которую вошли если не все нации и этносы, то, по крайней мере, многие. Именно эту супернацию имели в виду, когда говорили о советском народе. С другой стороны, одновременно с процессом мононациезации страны шел процесс нациезации, если не всех, то целого ряда этносов. И начиная с определенного периода процесс нациезации (по крайней мере, части этносов) начал обгонять процесс мононациезации страны, что в огромной степени способствовало распаду СССР на государства, большинство которых претендует на то, чтобы быть национальными.

В общем ни одна страна с полиэтничным населением не застрахована от движения в сторону полинациезации. Даже во Франции, где со времен Великой Французской революции все население составляло одну нацию, в последние десятилетия наблюдаются тенденции к нациезации некоторых этносов, в частности корсиканцев.

Все это побуждает власти тех или иных полиэтничных государств в целях обеспечения их территориальной целостности проводить политику, во-первых, ассимиляторства, т. е. насильственной этнической ассимиляции, во-вторых, переселения на территорию компактного обитания этнических меньшинств представителей этнического большинства. Иногда ассимиляторство приводит к достижению желаемой цели. Но гораздо чаще результаты бывают противоположными. Примером может служить политика правящей элиты Грузии в Абхазии и Южной Осетии еще в эпоху существования СССР. В Абхазии принудительная грузинизация дополнялась массовым переселением грузин в эту область. К чему это привело, можно сейчас наблюдать воочию.

В заключение: еще раз об обществе, нации и этносе

Как в отношениях между этносом и обществом, так и в отношениях между нацией и обществом ведущим является общество. Об этом уже говорилось выше. Остается добавить несколько штрихов, которые позволяют лучше понять отношение между этносом и нацией.

Когда на территории, населенной одним этносом, возникает несколько геосоциальных организмов, которые имеют разные объективные интересы, с неизбежностью начинает реализоваться тенденция к образованию нескольких разных наций. Социорная граница превращается в национальную, а затем и этническую. Так возникли австрийская нация и австрийский этнос. Сколько раз западногерманские публицисты высмеивали утверждения теоретиков ГДР об образовании двух наций: восточногерманской и западногерманской. Но теперь в объединенной политически Германии многим не до смеха. Различие между «осси» и «весси» является реальностью, с которой приходится считаться и которая пока не исчезает.

Когда часть какой-либо этнической общности оказывается в составе чужого государства, а с течением времени начинает считать его своим отечеством, то между ней и основной частью этноса пролегает национальная, а затем и этническая граница. Если эта часть не была ассимилирована, то она становится самостоятельным этносом. Так произошло с эльзас-лотарингцами. Социорная граница, а позднее и национальная сделали особыми этносами германо-швейцарцев, франко-швейцарцев, итало-швейцарцев.

Длительное пребывание украинцев в составе разных геосоциальных организмов провело между ними границу, если не национальную в точном смысле слова, то очень сходную с ней. Деление украинцев на «схидняков» и «захидняков» достаточно четко проявилось после 1939 г. и особенно после 1944 г. Как известно, некоторые политологи даже предрекают распад Украины.

Однако все описанные выше процессы не происходят автоматически. Не только этническая, но и национальная общность, возникнув на определенной объективной основе, может по инерции долго сохраняться и после исчезновения этой основы. Социорные границы в таких случаях не становятся ни национальными, ни этническими.

Наиболее яркий пример — поляки. В конце XVIII в. польский социально-исторический организм исчез, а польская нация и польская этническая общность продолжали сохраняться. Поляки, жившие в привислинских губерниях России, своим отечеством считали не Россию и даже не эту ее область, а Польшу, какой она была до раздела. То же самое можно сказать и о поляках, которые жили на землях, отошедших к Пруссии и к Австрии. Их национальное и этническое самосознание нашло свое выражение в созданной вскоре после раздела Польши знаменитой «Мазурке Домбровского», ставшей после возрождения Польского государства его гимном: «Еще Польша не пропала. Раз мы живы сами!»⁴.

Выше говорилось, что нация в идеальном случае возникает на базе определенного геосоциального организма, который его население начинает считать своим отечеством. Был упомянут и другой вариант: этнос, компактно населяющий часть территории геосоциального организма, начинает считать ее своим отечеством и тем самым становится особой нацией.

Возможен, однако, еще один вариант. Представим, что тот или иной этнос компактно населяет территорию, разделенную между несколькими государствами. Во всех этих странах он подвергается дискриминации и является объектом национального гнета. В результате он становится политической силой, которая борется за освобождение и наряду с этим за объединение населенных им частей нескольких геосоциальных организмов в одно независимое государство, в один

социально-исторический организм. Данное движение является как национально-освободительным, так и национально-объединительным.

Члены такого этноса рассматривают как свое отечество всю населенную им территорию, независимо от ее нынешней государственной принадлежности, и тем самым одновременно образуют и нацию. Здесь нация возникает раньше гео-социального организма. Но процесс ее формирования может завершиться только после образования подобного организма. Что-то похожее на это происходит в настоящее время с курдами.

Весь приведенный выше материал, включая последний, свидетельствует в пользу трактовки нации как особой политической силы, которая представляет собой совокупность людей, объединенных общностью отечества и отстаивающих его интересы. Эти интересы одновременно являются и собственными общими интересами данной совокупности людей. Нация может иметь и другие характеристики, но именно в сказанном заключена вся ее суть.

Из приведенных материалов видно, что в отношении между нацией и отдельным конкретным обществом, социумом, как и в отношении между этносом и социоисторическим организмом, ведущим в конечном счете всегда является социально-исторический организм. Именно социально-исторические организмы, а не этносы и не нации являются первичными субъектами исторического процесса, из которых складываются другие — более сложные — его субъекты.

Примечания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 460—461.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258—259.

³ Каутский К. Борьба национальностей и государственное право в Австрии. СПб., 1906; *его же*. Национальность и международность. Пг., 1918.

⁴ Выбицкий Ю. Мазурка Домбровского (перевод С. Кирсанова) // Польшкая поэзия XIX—XX вв. М., 1963. С. 172.

Socio-historical entities, ethnoses, nations

The author believes that «socio-historical organism» is one of the most fundamental category of the historical science. It is a key notion within the framework of the studies of nation. The article deals, in particular, with the interrelations between ethnos and nation, between nation and socio-historical organism, between nation and ethnos. Under consideration are also the problems of polyethnic nations and nationalities movements.

Yu. I. Semenov

© 1996 г., ЭО, № 3

Э. Г. Александренков

«ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ»

ИЛИ «ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»?

Перемены в жизни общества влекут за собой (или подталкивают) пересмотр прежнего понятийного аппарата, отражавшего представление об окружающем мире. В стремлении «отречься от старого мира», по-новому взглянуть на действительность общество в лице исследователей, как наиболее для этого приспособленных, иногда находит наиболее легкий способ — меняет одни слова